
Анжелика Москалёва
Время Кая

Анжелика Москалёва

Время Кая

«Автор»
2026

Москалёва А.

Время Кая / А. Москалёва — «Автор», 2026

Выйдя из криосна на звездолете «Ковчег-9», астробиолог Кира Линд обнаруживает, что весь экипаж погиб, а в секретном трюме сорок восемь детей будущего растит пятилетний гений Кай. Проведя с ним два года, Кира возвращается в капсулу на обещанные четыре года, безоговорочно доверяя таймер сна своему юному напарнику. Но она не подозревает, что у расчетливого мальчика совсем другие планы на ее время.

© Москалёва А., 2026
© Автор, 2026

Время Кая

Глава 1. Холодный свет

Сигнал пробуждения звучал не как спасение, а как глухой, назойливый звон в висках, медленно вытаскивая Киру Линд из черной, вязкой пустоты, где не существовало ни снов, ни запахов, ни течения времени. Казалось, кто-то настойчиво тянет ее наверх из глубокого ледяного колодца, а тяжелая, плотная вода не хочет отпускать, цепляясь за каждую мышцу и каждую клетку тела.

Она резко закашлялась, судорожно выплевывая остатки густого, солоноватого криогеля. Легкие обожгло сухим ледяным воздухом, словно она вдохнула морозный ветер. Прозрачная крышка капсулы с тяжелым, надрывным шипением отъехала в сторону, впуская в тесное пространство кокона тусклый багровый свет аварийных ламп. Кира с трудом перевалилась через высокий пластиковый бортик и опустилась на металлический пол, едва удержавшись на руках. Тело почти не слушалось — икры и плечи сводило болезненной судорогой, колени дрожали, а кончики пальцев кололо тысячами мелких иголок. Обычное состояние после трех лет глубокого анабиоза, но по жесткому регламенту космофлота рядом в этот момент уже должен был стоять дежурный медик с теплым электролитом, мышечным релаксантом и термоодеялом.

Сейчас вокруг стояла только густая, звенящая тишина, нарушаемая лишь далеким, ровным гулом термоядерных реакторов где-то в глубине корпуса.

— Компьютер... статус, — прохрипела Кира, опираясь дрожащими ладонями о холодный ребристый настил. Голос звучал чужим, сиплым и слабым, словно она не произносила ни слова целую вечность. — Кира Линд. Вахта номер четыре.

В ответ — лишь сухой щелчок реле где-то под потолком. Ни привычного спокойного голоса бортового искусственного интеллекта «Афина», ни мягкой зеленой подсветки на навигационных панелях вдоль стен. В жилом модуле экипажа горели только аварийные плафоны, окрашивая белые полимерные переборки в тревожный, тускло-красный цвет.

Кира медленно поднялась на колени, обхватила себя руками, пытаясь унять крупную, неуправляемую дрожь в плечах, и повернула голову вправо.

Стекло соседней капсулы, где должен был спать капитан Маркус, было покрыто изнутри мелкой черной паутиной трещин. Лицо капитана — спокойного, вечно немного уставшего мужчины с седыми висками, который перед стартом любил повторять, что в дальнем космосе главное не спешить — застыло в неподвижной маске. Индикатор пульса на его внешней консоли давно погас, превратившись в тонкую красную линию.

Кира похолодела. Воздух в отсеке вдруг показался слишком густым и тяжелым, его перестало хватать. На четвереньках, чувствуя, как холодный металл режет ладони, она поползла вдоль ряда саркофагов, надеясь, что это просто сбой датчиков, ошибка отображения, ночная галлюцинация после выхода из криосна.

Вторая капсула. Бортинженер Елена, которая перед посадкой на корабль тайком пронесла в личных вещах старую бумажную книгу стихов и обещала почитать их вслух, когда они выйдут на орбиту новой планеты. Внутри — только мутная замерзшая взвесь и неподвижный силуэт.Третья. Медик Сара.Четвертая. Пятая. Шестая.

Весь экипаж — шестеро человек — был мертв.

Она прижалась спиной к холодной переборке между саркофагами, зажимая рот ладонью, чтобы сдержать тяжелый, судорожный всхлип. В горле встал горький ком. Они все были из числа «меченых». На Земле, в жестком, выверенном до миллиметра порядке Центрального Протектората, не существовало понятия личной вины. Если один человек нарушал закон — скрывал ресурсы, нарушал квоты или позволял себе лишнее слово против Системы, — клеймо

ложилось на всю семью до третьего колена, лишая людей права на свободное передвижение, высшие должности и нормальное будущее.

Кира выросла в закрытом государственном интернате «Сектор-7» за высокой бетонной стеной, увенчанной рядами колючей проволоки. Там детей «осужденных фамилий» с раннего возраста приучали к мысли, что они обязаны всю жизнь отрабатывать долг своей крови. Ее старший брат когда-то попытался вывезти из закрытой исследовательской зоны медицинские архивы, надеясь спасти тяжело больного друга, за что родителей отправили в северные трудовые колонии, а восьмилетнюю Киру и ее двухлетнюю сестренку Лизу забрали в интернат. Кира по ночам при тусклом свете ночника учила астробиологию, химию полимеров и устройство систем жизнеобеспечения, спала по четыре часа в сутки, лишь бы получить допуск к работе на орбитальных станциях. Когда ей, двадцативосьмилетнему специалисту по биосистемам, предложили контракт на дальний рейс к планете земного типа Элизиум-4 — без права возвращения на Землю, но с полным снятием судимости с родителей и младшей сестры Лизы — она подписала бумаги не раздумывая.

Такими же были и остальные шестеро. Небольшая научная и техническая группа, которая должна была просыпаться по очереди каждые два года, проводить плановый обход корабля, проверять работу систем, корректировать траекторию при встрече с метеоритными потоками и отправлять на Землю подробные отчеты, каждый из которых летел до Солнечной системы десять лет. Ученые Земли хотели получить точные данные с трассы и с орбиты Элизиума-4, прежде чем принимать решение о следующей волне переселенцев. А в грузовом трюме, за герметичной дверью с грифом «Абсолютно секретно», находился основной груз экспедиции, о котором младшему составу команды ничего не рассказывали.

Кира, держась за металлические поручни вдоль стен, с трудом добралась до главного терминала связи жилого отсека. Пальцы скользили по сенсорной панели, оставляя влажные следы криогеля. Она ввела свой личный аварийный код доступа, и экран мигнул, выдав сухой, безжалостный отчет черного ящика:

«ВНИМАНИЕ. КРИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ. Дата: 14.08.2184. Прохождение через непредсказуемый шлейф гамма-всплеска пульсара PSR-19. Внешний контур радиационной защиты жилого сектора пробит. Перегрузка систем терморегуляции капсул 1, 2, 3, 5, 6, 7. Биологическая активность объектов прекращена. Выживших среди персонала: 1. Причина сохранения объекта 4 (К. Линд): нештатная установка композитного свинцово-полимерного экрана класса "Эгида". Примечание: ошибка маркировки при погрузке на орбитальной станции "Зенот"».

Кира перечитала последние строчки трижды. Ее спасла обычная халатность техника на орбите, который в спешке перед стартом перепутал панели и прикрутил к ее капсуле усиленную защиту, предназначенную для реакторного отсека. Глупая, слепая случайность оставила ее одну на огромном звездолете в десятках световых лет от дома.

Паника, холодная и липкая, начала медленно сдавливать грудь. Она одна. «Ковчег-9» летит сквозь пустоту, и впереди еще долгие годы пути.

И тут тишину коридора нарушил звук.

Он был настолько чужеродным в этом железном склепе, что Кира сначала решила, будто у нее начались галлюцинации от криошока и нехватки кислорода. Тонкий, ровный механический стрекот сервоприводов. Мерный, мягкий стук шагов по палубе. А затем — приглушенный, чистый... детский плач, тут же сменившийся тихим, ласковым воркованием?

Кира вздрогнула так, что ударилась затылком о край терминала. Сердце гулко застучало в висках. Она схватила со стены тяжелый аварийный фонарь, включила его и, стараясь двигаться как можно тише, пошла по центральному коридору в сторону кормы — туда, где находился закрытый грузовой отсек.

Массивная гермодверь с красными знаками биологической и радиационной угрозы, замки которой подчинялись только кодам высшего командования Земли, сейчас оказалась распахнутой настежь.

Кира замерла на пороге, боясь громко вдохнуть. Изнутри лился мягкий, теплый белый свет, имитирующий спокойный утренний спектр. Она осторожно заглянула внутрь — и тяжелый фонарь выскользнул из ее ослабевших пальцев, глухо стукнувшись о металлический пол и покатившись вдоль переборки.

То, что она увидела, меньше всего напоминало грузовой трюм. Перед ней простирался огромный, многоуровневый биоинженерный жилой комплекс, продуманный до мельчайших деталей. Вдоль боковых стен двумя ярусами уходили в перспективу сорок восемь изящных белых биокапсул-экзоутроб — искусственных маток, в которых в состоянии глубокого криостаза хранились генетически модифицированные эмбрионы. А центральная часть зала была оборудована как настоящие ясли и жилой сектор: мягкое теплое покрытие на полу, прозрачные, похожие на раскрытые лепестки кувезы для новорожденных, сложные голографические проекторы под потолком и ряды медицинских и пищевых синтезаторов.

Пять биокапсул в первом ряду были открыты и переведены в режим санитарной очистки после завершения цикла вынашивания. Над пятью прозрачными кувезами в центре зала склонились трое человекоподобных биороботов. Их корпуса были покрыты теплым на вид матовым полимером цвета слоновой кости, а движения были плавными, точными и удивительно бережными. Одна из машин осторожно держала на руках крошечного, только что появившегося на свет младенца, мягко покачивая его, пока сервисный дроид на бесшумных колесах подвозил стерильные контейнеры с питательной смесью.

А в самом центре зала, у невысокой голографической консоли, стоял мальчик.

На вид ему было около пяти лет. На нем был аккуратный серый комбинезон без знаков различия. Светлые, слегка вьющиеся волосы падали на высокий лоб, а в огромных, пронзительно-голубых глазах светился пугающий, совершенно не детский, ясный и сосредоточенный интеллект.

— «Аврора-два», снизь подачу кислорода в третий кувез на три десятых процента и проверь усвоение нейропротектора у четвертого малыша, — спокойно, без единой запинки произнес ребенок, сверяясь с парящими в воздухе графиками. — Их метаболизм после шестимесячного вынашивания в экзоутробах стабилизируется быстрее, чем заложено в базовой модели. Нужно скорректировать состав смеси для всей первой пятерки.

Услышав стук упавшего фонаря, мальчик не вздрогнул. Он медленно, с какой-то спокойной, почти взрослой грацией обернулся. Его взгляд скользнул по бледной, растерянной Кире в мокром от криогеля термокостюме, задержался на ее озябших руках, а затем переметнулся на ближайшего человекоподобного робота.

— Она выжила, — тихо сказал мальчик, скорее констатируя неожиданный факт, чем удивляясь. — По расчетам бортового ядра, вероятность сохранения жилого сектора после гамма-всплеска была минимальной.

— Кто ты?.. — прошептала Кира, вцепившись пальцами в металлический косяк двери. — Что это за место? Откуда здесь младенцы?

Мальчик сделал два легких шага навстречу и чуть склонил голову набок, с живым интересом разглядывая ее.

— Мы и есть главная цель экспедиции, Кира Линд, — ровно ответил он, и от того, как просто и уверенно он назвал ее имя, у Киры по спине пробежал холодок. — Нас сорок девять. Двадцать четыре девочки и двадцать четыре мальчика. И еще я. Меня зовут Кай.

— Кай... — повторила она одними губами. — Но капитан Маркус... наш экипаж... мы должны были исследовать Элизиум-4...

— Маркус, Елена и Сара знали о проекте «Колыбель», — спокойно объяснил пятилетний ребенок. — Они имели допуск и должны были просыпаться по графику, чтобы помогать мне с запуском биоинкубаторов. Но они погибли. Остальные четверо, включая тебя, были наняты для технического обслуживания корабля и отправки отчетов на Землю. А мы — новое поколение колонистов, созданное в лабораториях Генетического Совета для заселения Элизиума-4.

Кира медленно сползла по стене на пол, чувствуя, как почва окончательно уходит из-под ног. Она смотрела на пятилетнего мальчика, который уверенно управлял сложнейшим биокомплексом, на человекоподобных роботов, баюкающих новорожденных, и понимала, что ее прежний мир исчез навсегда.

Кай подошел ближе и посмотрел на нее сверху вниз с вежливым, рассудительным спокойствием.

— Моя капсула сработала по автоматическому таймеру полгода назад, — сказал он. — Мое тело и мозг прошли ускоренную генную инженерию еще до старта, поэтому уже в пять лет я способен полностью управлять системами корабля. За эти шесть месяцев я изучил все протоколы, активировал биороботов-воспитателей «Аврор» и запустил вынашивание первых пяти эмбрионов. Ускоренный цикл внутриутробного развития в наших капсулах занимает ровно шесть месяцев — эти пятеро родились два дня назад. Отчет о гибели вашего экипажа я уже отправил на Землю, но сигнал идет десять лет в одну сторону и десять в другую, так что мы полностью автономны.

Он замолчал на секунду, оценивая ее состояние, и чуть заметно смягчил тон.

— Нам лететь еще двадцать два года. Я буду запускать капсулы волнами — сначала эту пятерку, потом еще десять, пятнадцать и восемнадцать малышей, чтобы к прилету на планету они выросли в полноценную разновозрастную общину без повторной заморозки. В яслях справятся «Авроры», но раз уж ты выжила, твои знания астробиолога и специалиста по биосистемам пригодятся мне для проверки и систематизации научных протоколов. Как только отдохнешь, обсудим это — а потом тебе лучше вернуться в капсулу, чтобы не тратить зря годы жизни до следующих этапов пути.

Глава 2. Право на пробуждение

Тишина жилого отсека теперь ощущалась иначе. Если в первые минуты после выхода из криокапсулы она пугала своей мертвой, давящей неизвестностью, то теперь превратилась в тяжелую, глухую печаль, от которой ломило в груди и пересыхало в горле.

Прошло двенадцать часов с того момента, как Кира Линд впервые переступила порог детского комплекса в кормовом трюме. Она сидела на краю узкой металлической койки в каюткомпании, обхватив обеими ладонями стальную кружку с горячим синтетическим бульоном, и неподвижно смотрела в серую полимерную переборку напротив. Пар над кружкой давно рассеялся, жидкость остыла, но Кира словно не замечала этого.

Час назад она завершила морской космический протокол прощания.

Шесть герметичных белых саванов из плотного композитного полотна, запечатанных магнитными зажимами. Шесть знакомых имен, выведенных на бортовом терминале в графе «Безвозвратные потери миссии». Капитан Маркус, с его привычкой потирать переносицу перед каждым сложным расчетом; бортинженер Елена, подарившая Кире перед стартом запасной шерстяной шарф; медик Сара, всегда проверявшая давление у экипажа с мягкой, успокаивающей улыбкой; пилот Артур, техник Лиам и радист Виктор. Кира сама ввела коды доступа шлюзовой камеры, сама перевела давление на ноль и стояла у узкого армированного иллюминатора, прижав лоб к холодному стеклу, пока внешние створки бесшумно расходились в стороны. Шесть белых силуэтов медленно выплыли в черную, равнодушную бездну между звез-

дами и растворились в темноте без салюта, без прощальных речей и без единого свидетеля, кроме женщины, которой теперь предстояло жить за них всех.

— Они даже не знали, ради чего на самом деле летят, — тихо прошептала Кира в пустоту кают-компании, чувствуя, как к глазам снова подступает горячая, непрошеная влага.

Дверь отсека бесшумно отъехала в сторону с тихим пневматическим вздохом.

Кира быстро вытерла лицо тыльной стороной ладони и подняла голову. На пороге стоял Кай. Рядом с ним возвышалась высокая, плавная фигура — антропоморфный робот-воспитатель модели «Аврора». Ее корпус был обтянут матовым, теплым на вид полимером цвета слоновой кости, а на гладком, лишенном резких черт лице мягко светились спокойные голубые оптические сенсоры. Она двигалась абсолютно бесшумно и грациозно, словно живая женщина, натренированная годами балетной пластики.

— Твои показатели пульса, давления и электролитного баланса стабилизировались, Кира Линд, — ровно произнес Кай, держа в руках тонкий диагностический планшет с бегущими строками графиков. На вид ему было пять лет, но говорил он с удивительной, гипнотической уверенностью человека, привыкшего принимать решения. — Капсула номер четыре прошла полную техническую проверку. Композитный экран «Эгида» сохранил целостность на девяносто четыре процента. Но после гамма-всплеска пульсара его защитный контур требует бережного режима эксплуатации. Если ты вернешься в сон, мы сохраним и твое здоровье, и ресурс капсулы до следующего этапа полета.

Кира поставила остывшую кружку на металлический стол и внимательно посмотрела на этого странного, поразительно красивого ребенка со светлыми вьющимися волосами и пронзительно-голубыми глазами. Внутри нее не было желания спорить или доказывать кому-то свою правоту, но чувство ответственности инженера, привыкшего отвечать за исправность систем, не позволяло просто закрыть глаза и уйти в темноту.

— Объясни мне логику твоего графика еще раз, Кай, — спокойно попросила она, опираясь локтями о колени. — Почему бы не запустить все сорок восемь искусственных маток ближе к концу пути, за полгода до посадки на Элизиум-4? Зачем вынашивать и растить детей волнами по всему полету?

Кай прошел в кают-компанию и сел в кресло напротив, закинув ногу на ногу с той непринужденной грацией, которая казалась у него врожденной. «Аврора» бесшумно остановилась у двери, сложив руки перед собой в режиме ожидания.

— Во-первых, биокомплекс и системы регенерации воды не рассчитаны на одновременное выхаживание сорока восьми новорожденных младенцев, — спокойно ответил он, коснувшись сенсора на своем планшете и развернув в воздухе трехмерную голографическую шкалу времени длиной в двадцать два года. — Во-вторых, погружение детей в криосон после рождения строго исключено: анабиоз повреждает формирующиеся нейронные связи и миелиновые оболочки мозга. Поэтому Генетический Совет утвердил стратегию четырех волн, каждая из которых запускается в капсулах-экзоутробах ровно за шесть месяцев до назначенной даты появления на свет.

Он указал тонким пальцем на светящиеся маркеры на голограмме:

— Первая пятерка родилась два дня назад. Когда мы выйдем на орбиту Элизиума-4, они уже станут взрослыми специалистами, которые возьмут на себя управление сложной техникой и первыми выйдут на поверхность. Вторая волна из десяти детей появится на свет через пять лет; к прилету они будут старшими подростками, готовыми помогать в исследовательских группах. Третья группа из пятнадцати человек родится на десятом году полета, а оставшихся восемнадцать я запущу так, чтобы они появились на свет на пятнадцатом году — на Элизиум-4 они ступят младшими школьниками, которых помогут растить не только «Авроры», но и их старшие братья и сестры.

Кира смотрела на схему, невольно отмечая продуманность и естественность этого замысла. Корабль не должен был оставаться стерильной лабораторией — он должен был превратиться в настоящий, живой летящий дом с разными поколениями, где старшие постепенно перенимают заботу о младших.

— И вот тогда, ближе к высадке или при запуске следующих волн, мне пригодятся твои знания астробиолога и специалиста по замкнутым биосистемам, — спокойно добавил Кай, выключая голограмму. — Раз уж ты выжила, лучше использовать твой опыт с пользой. А если ты останешься бодрствовать сейчас, то просто потратишь зря годы жизни, дублируя работу биороботов.

В словах мальчика была железная, неоспоримая логика. Кира и сама понимала, что в яслях с пятью младенцами прекрасно справятся шесть антропоморфных «Аврор» и сам Кай с его энциклопедическим умом. Но как специалист по системам жизнеобеспечения она знала и другое: ни один датчик не заменит глаз и рук инженера после такого удара радиации, который пережил «Ковчег-9».

— Я не спорю с твоим планом, Кай, — мягко сказала она. — И не собираюсь мешать вам с «Авророми». Просто гамма-всплеск такой мощности мог оставить микротрещины в полимерных магистралях очистки воздуха и воды. Автоматика видит только критическое падение давления, но не замечает начало износа. Дай мне хотя бы пару дней, чтобы пройтись по техническим коллекторам и проверить узлы своими глазами. После этого я спокойно лягу спать.

Кай посмотрел на нее внимательно, чуть склонив голову набок. В его голубых глазах мелькнуло легкое сомнение — он привык опираться на показания бортового ядра, но в голосе Киры не было ни каприза, ни суеты, только спокойная, деловая рассудительность человека, привыкшего отвечать за свою работу.

— Двое суток не нарушат общий график, — кивнул он, поднимаясь с кресла. — Идем, я открою тебе доступ к техническим картам второго уровня.

Но спокойно провести осмотр они не успели. Не прошло и часа с того момента, как они спустились в технический коридор кормового отсека, как потолок над их головами пронзил резкий, вибрирующий вой аварийной сирены. Основной белый свет мгновенно погас, сменившись на тревожный янтарный режим, а на ближайшем настенном терминале вспыхнуло красное окно ошибки:

«ВНИМАНИЕ. ОТКАЗ БИОРЕАКТОРА ОЧИСТКИ ВОЗДУХА 2. УТЕЧКА ХЛАДАГЕНТА В КОЛЛЕКТОРЕ ВТОРОГО УРОВНЯ. ПАДЕНИЕ УРОВНЯ КИСЛОРОДА В ДЕТСКОМ КОМПЛЕКСЕ ЧЕРЕЗ 40 МИНУТ».

Кай на секунду замер у консоли, его маленькие пальцы молниеносно забегали по сенсорной панели, вызывая схемы трубопроводов.

— Последствия гамма-всплеска, — быстро проговорил он, и в его ровном голосе впервые проскользнула живая, неподдельная растерянность. — Излучение повредило уплотнитель на контуре охлаждения. Тяжелые сервисные дроиды слишком широки, они не пройдут в узкий коллектор, а у «Аврор» программно заблокирован доступ к ручной сварке высокого давления.

Кира не стала тратить время на обсуждения. Она молча сняла со стены аварийную сумку с инструментами, достала защитный респиратор и открыла круглый люк технического туннеля в нижней части переборки.

— Выводи схему клапанов мне на наручный терминал, Кай, и подсказывай по связи, где перекрыть сброс, чтобы аммиак не пошел в жилой контур, — спокойно бросила она, забираясь в узкий лаз. — Я заварю трещину.

Следующие полчаса превратились для нее в тяжелую, душную работу на пределе выносливости. В тесном металлическом коллекторе, куда едва помещались плечи, стояла удушливая жара, пахло горелой изоляцией и едким газом. Пот заливал глаза, разъедая кожу, трубы обжигали ладони даже сквозь плотные защитные перчатки. Кира ползла вперед по сантиметру,

зажав в руке фонарь, и слышала в наушнике быстрый, предельно сосредоточенный голос Кая, который вел ее сквозь переплетение труб.

— Левее, Кира. Синий вентиль с маркировкой «Р-4» — поверни на три четверти против часовой... Отлично, давление в контуре падает. Теперь трещина прямо над коллектором, длина около пятнадцати сантиметров.

Она достала плазменный герметик, надела защитный щиток на глаза и аккуратно повела дугу по краю свистящей пробоины. Дым пробивался даже сквозь фильтр респиратора, заставляя кашлять, но рука не дрогнула — за семь лет работы на орбитальных станциях ей приходилось латать магистрали и в куда более тесных отсеках.

— Осталось пять минут до критического снижения кислорода в яслях, — голос мальчика в наушнике вдруг дрогнул, потеряв привычную холодную невозмутимость. — У третьей девочки сбивается дыхание... Пожалуйста, успей, Кира.

— Уже заканчиваю, Кай, — ровно ответила она, закрепляя последний сантиметр шва. — Проверяй давление.

Через несколько секунд шипение прекратилось. На наручном экране загорелся зеленый индикатор герметичности контура.

Когда Кира, с ног до головы перепачканная черной копотью и машинным маслом, выбралась из люка обратно в коридор и стянула с лица респиратор, сирена уже стихла. Янтарный свет сменился мягким белым.

В конце коридора стоял Кай. Он прибежал сюда сам, не дожидаясь отчета бортовой нейросети, и сейчас тяжело дышал, сжимая в руке планшет. Он посмотрел на ее усталое, перепачканное лицо, на обожженные перчатки, а затем перевел взгляд на погасший индикатор тревоги.

— Уровень кислорода в норме. Показатели всех пятерых новорожденных стабилизированы, — тихо сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Если бы ты легла в капсулу сразу, мы бы не успели. Мои алгоритмы не учли, что на борту может оказаться человек с таким практическим опытом.

Кира сняла перчатки, сунула их за пояс и устало, но тепло улыбнулась.

— Просто повезло, что я оказалась рядом. Слушай, Кай... раз уж так вышло, давай я останусь бодрствовать на пару лет. Я не буду мешать твоему графику и лезть в командование. Помогу тебе за эти два года обойти весь корабль и привести в порядок все узлы после шторма, присмотрю за первыми малышами, пока они совсем крошечные, и составлю в архиве подробные рабочие протоколы по астробиологии и биосистемам — пригодятся вам потом на Элизиуме-4. А когда первая пятерка подрастет, я спокойно лягу спать до следующей волны детей.

Кай молчал несколько секунд, внимательно изучая ее лицо. В его светлых, ясных глазах промелькнул новый, глубокий интерес — он вдруг понял, что рядом с этой спокойной, надежной женщиной пустой огромный корабль перестает быть просто холодным механизмом, выполняющим программу.

— Два года, — кивнул он, и на его губах впервые появилась открытая, почти мальчишеская улыбка. — Договорились, Кира Линд. Идем, я покажу тебе, где находится душ, а потом ты посмотришь, как заснула третья девочка.

Глава 3. Вода, сарказм и теория колыбельных

Теплая вода, льющаяся сверху настоящими, тяжелыми струями, казалась чем-то из разряда древних мифов — примерно как единороги или отпуск на берегу Средиземного моря без пропуска Протектората.

Кира Линд стояла в герметичном гидробоксе детского комплекса, зажмурив глаза, и подставляла лицо под мягкий, чуть покалывающий душ. Черная копоть и масляные разводы после

ремонта биореактора медленно стекали по коже в решетку слива, где умные мембраны мгновенно забирали каждую каплю в систему многоступенчатой регенерации.

В жилом отсеке экипажа, откуда она вышла всего сутки назад, никаких водяных душей не существовало в принципе. Космический флот экономил каждый грамм массы: для взрослых специалистов ставили ультразвуковые кабины с сухим антисептическим туманом. После такой «мойки» ты чувствовал себя стерильным, как хирургический скальпель, но кожа потом два дня пахла озоном и больничным пластиком.

Но создатели проекта «Колыбель» справедливо рассудили, что младенцам ультразвук и химический туман не подходят. Поэтому в гигантском кормовом секторе корабля оборудовали полноценный гидромодуль с замкнутым циклом очистки. Запас воды на «Ковчеге-9» хранился в виде толстого ледяного панциря между внешней обшивкой и жилыми палубами — он одновременно служил дополнительной защитой от космической радиации и резервуаром на двадцать два года пути. Система возвращала в оборот девяносто девять и восемь десятых процента всей влаги, но даже при таком раскладе тратить ее попусту считалось дурным тоном.

Когда Кира, завернувшись в чистый махровый халат и вытирая полотенцем мокрые темные волосы, вышла из душевой в предбанник, она наткнулась на серьезный, изучающий взгляд Кая. Мальчик сидел на скамье, болтая ногами, и сверялся с цифрами на своем планшете.

— Семь минут и сорок две секунды, — ровно сообщил он. — Расход воды составил тридцать восемь литров. На переработку и деионизацию этого объема реактор затратил энергии столько же, сколько требуется на два часа работы освещения в оранжерее.

Кира остановилась, выгнула бровь и критически оглядела себя.

— То есть мне стоило вернуться к твоим младенцам в виде трубочиста, пахнущего горелой изоляцией? — невозмутимо уточнила она. — Боюсь, у третьей девочки от такого аромата сразу бы подскочил кортизол, а твои биороботы «Авроры» ушли бы в перезагрузку от эстетического шока.

Кай на секунду замер. Его светлые брови чуть сдвинулись к переносице — бортовая нейросеть явно пыталась проанализировать интонацию, в которой слова не совпадали с прямым смыслом.

— «Авроры» не обладают эстетическим восприятием, — серьезно ответил он, но в уголках его губ дрогнула едва заметная улыбка. — Однако... я фиксирую в твоей речи повышенную концентрацию сарказма, Кира Линд. В архивах Земли указано, что люди старого типа используют его как защитный механизм при хронической усталости.

— А еще для того, чтобы не сойти с ума в компании пятилетнего зануды с калькулятором вместо сердца, — усмехнулась Кира, трепля его по светлым вьющимся волосам. — Привыкай, командир. Если мы собираемся прожить на этом корабле ближайшие два года, тебе придется освоить этот сложный раздел земной науки.

— Записал в список приоритетных дисциплин, — совершенно серьезно кивнул Кай, спрыгивая со скамьи. — А теперь идем. У нас по расписанию вечернее кормление, и третья девочка действительно успокоилась только после того, как воздух в зале пришел в норму.

Шел третий месяц их совместной жизни. За это время Кира успела вдоль и поперек изучить устройство «Ковчега-9», и с каждым днем она все больше поражалась тому, насколько хитро был спроектирован этот звездолет.

Снаружи он выглядел как обычный тяжелый грузовой транспортник дальнего следования — вытянутый серый корпус с массивным радиационным щитом в носовой части и четырьмя термоядерными двигателями на корме. В носовом отсеке располагались рубка управления, кают-компания и жилой блок на семь человек, где теперь осталась только ее капсула. Но вся средняя и кормовая части корабля, которые по чертежам числились как «складские трюмы

для оборудования терраформирования», на деле представляли собой настоящий автономный город в миниатюре.

Помимо огромного детского комплекса с сорока восьмью биокапсулами-экзоутробами, здесь прятались две многоярусные гидропонные оранжереи, генетический банк семян, учебные классы с голографическими тренажерами, спортивный зал с регулируемой гравитацией и даже небольшая библиотека с настоящими, напечатанными на износостойком полимере книгами. Все было рассчитано на то, чтобы сорок восемь детей по мере взросления не просто сидели в четырех стенах, а учились, двигались и готовились к жизни на новой планете.

Пятеро малышей из первой группы — Мира, Лео, Аня, Тим и Ева — за эти три месяца заметно окрепли. Они уже уверенно держали головки, узнавали голоса и радостно гулили, стоило кому-нибудь склониться над их прозрачными кувезами.

Дни Киры вошли в спокойное, размеренное русло. Утром, после чашки синтетического кофе в кают-компании, она надевала рабочий комбинезон и спускалась на технические палубы, методично проверяя датчики, фильтры и уплотнители. После той аварии в биореакторе они с Каем обнаружили еще пару мелких трещин в изоляции кабелей — следы того самого гамма-всплеска пульсара — и спокойно, без суеты залатали их. Днем Кира садилась за терминал в научной лаборатории и составляла подробные, понятные практические руководства по своей специальности: как проверять почву на Элизиуме-4 на тяжелые металлы, как запускать замкнутые биосистемы очистки воды и на что смотреть при строительстве первых куполов. Она не считала себя незаменимой, но раз уж судьба оставила ее в живых, хотела оставить после себя максимально полезную шпаргалку для будущих колонистов.

Кай почти всегда крутился рядом. Он сидел на лабораторном столе, скрестив ноги, читал научные статьи или наблюдал за работой Киры, и при этом усердно практиковался в новом для себя искусстве — иронии.

— «Аврора-три», твоя скорость укладки пеленок ниже норматива на две десятых секунды, — важно заявил он однажды днем, когда они вместе разбирали стерильное белье в детском зале. — Если ты не ускоришься, к моменту пробуждения второй волны детей мы утонем в неглаженом хлопке.

Человекоподобный биоробот замерла с пеленкой в руках. Ее голубые оптические сенсоры мягко мигнули.

— Координатор Кай, поправка: хлопок на борту не используется, ткань состоит из гипоаллергенного микроволокна, которое не требует глажки, — ровным, мелодичным голосом ответила машина. — Кроме того, вероятность утопления в текстиле при текущей массе груза равна нулю.

Кира, сидевшая рядом на ковре с маленькой Аней на руках, прыснула со смеху.

— Видишь, Кай? Сарказм с биороботами не работает. У них в прошивке вместо чувства юмора стоит калькулятор.

— Неэффективная архитектура, — вздохнул мальчик, скопировав ее интонацию так точно, что Кира рассмеялась еще громче. — Придется переписать им лингвистический модуль. Иначе через пять лет мне будет не с кем обсудить твои шутки, пока ты будешь спать в капсуле.

Улыбка Киры чуть померкла, но она постаралась не подать виду. Кай был потрясающим ребенком — острым на язык, невероятно обаятельным, порой по-мальчишески эгоистичным в своем желании всегда держать ситуацию под контролем, но при этом удивительно живым. За эти месяцы он впитывал от нее каждое слово, каждый жест, словно пытался наверстать все те годы нормального детства, которых его лишили в лабораториях Генетического Совета.

Ближе к вечеру они оставались в детском зале вдвоем с малышами. В один из таких дней маленький Лео никак не мог уснуть: он ворочался в своем прозрачном кувезе, хмурил брови и обиженно хныкал. «Аврора-один» плавно скользнула к кроватке, включила режим мягкого

покачивания и запустила тихий, идеально выверенный синтетический белый шум, но малыш только сильнее заворочался.

Кира подошла, кивнула биороботу, чтобы та отступила, осторожно взяла Лео на руки, прижала к груди и стала тихо ходить с ним по мягкому ковру, напевая старую, простую колыбельную. Через минуту ребенок вздохнул, всхлипнул и сладко заснул, уткнувшись носиком в ее свитер.

Кай стоял неподалеку, заложив руки за спину, и внимательно следил за ней.

— «Авроры» используют точно такую же частоту покачивания и поддерживают температуру корпуса в тридцать шесть и шесть градуса, — тихо сказал он, когда Кира бережно уложила спящего мальчика обратно в кувез и укрыла пледом. — Но им требуется в среднем восемь минут, чтобы снизить уровень стресса у младенца, а тебе — меньше минуты. В чем разница, Кира?

Кира присела на край низкого диванчика у стены и устало потерла переносицу.

— Наверное, в том, что у меня уже была практика, Кай, — тихо ответила она, глядя на свои ладони. — Когда нас с младшей сестрой Лизой забрали в интернат «Сектор-7», мне было восемь, а ей — всего два. Там никто не подходил к кроваткам по ночам, когда малыши плакали от страха или холода. Надзиратели только стучали в дверь из коридора, чтобы мы соблюдали тишину.

Кай подошел ближе и сел рядом, повернувшись к ней всем корпусом. Его ясные голубые глаза смотрели серьезно и внимательно.

— И что ты делала? — спросил он негромко.

— Когда выключали свет и дежурный уходил в конец коридора, я потихоньку выбиралась из своей постели и пробиралась к Лизе, — Кира грустно улыбнулась далеким воспоминаниям. — Забиралась под ее тонкое одеяло, обнимала, шептала сказки на ухо и грела ее своим дыханием, пока она не засыпала. А когда ей исполнилось четыре, она заболела тяжелой пневмонией, и в нашем лазарете не хватало лекарств для детей «осужденных родов». Я три ночи подряд сидела у ее койки, меняла холодные компрессы на лбу и держала ее за руку, чтобы она не боялась.

В зале стало совсем тихо. Только мерно гудели очистители воздуха да тихо сопели в своих кувезах пятеро малышей.

— В моих базах данных есть вся медицина и педиатрия Земли, Кира Линд, — тихо произнес Кай, глядя на спящего Лео. — Но там нет ни одной строчки про то, как греть кого-то своим дыханием. Пока ты здесь... покажи мне, как это делается. Я не хочу, чтобы они росли только под присмотром машин.

Вечером того же дня, возвращаясь с плановой проверки связи в рубке, Кира заглянула в приоткрытую дверь детского зала и замерла на пороге. Кай был там один. Он сидел на низком стульчике у кроватки маленького Тима, осторожно держа его за крошечную ручку, и тихо, сбиваясь с мотива и хмурясь от усердия, пытался напеть ту самую колыбельную, которую слышал от нее днем.

Увидев Киру в дверях, мальчик ничуть не смутился — только бросил на нее быстрый взгляд и серьезно произнес:

— Частота воспроизведения пока не идеальна, но сатурация объекта стабилизировалась на двенадцать секунд быстрее, чем при работе «Авроры». Эксперимент признан успешным.

Кира тихо рассмеялась и прикрыла дверь, чувствуя, как в груди разливается странное, непривычное тепло. Она еще не знала, что с этого вечера в расчетливом, но живом сердце этого мальчика поселилась мысль, которая через два года заставит его изменить все правила их полета.

Глава 4. Орбита доверия

К концу первого года их совместной жизни на борту «Ковчега-9» наступила пора, когда стерильная тишина глубокого космоса окончательно сдалась перед звонким, непредсказуемым шумом растущей жизни.

Пятеро малышей из первой группы — Мира, Лео, Аня, Тим и Ева, выношенные в искусственных биокапсулах за полгода и появившиеся на свет в дни пробуждения Киры, — приближались к своему первому дню рождения. Они давно перебрались из прозрачных медицинских кувезов на просторные, мягкие термоматы в центре детского зала. Малыши уже уверенно ползали наперегонки, подтягивались за гладкие полимерные колени человекоподобных биороботов «Аврор», вставали на пухлые ножки и с восторженным визгом шлепались обратно, требуя, чтобы Кира или Кай немедленно похвалили их за проявленную храбрость.

Утро Киры Линд начиналось в кают-компании с кружки синтетического кофе, который по вкусу отдавал жареным ячменем и немного — очищенным пластиком, но все равно отлично помогал проснуться. Затем она надевала рабочий комбинезон, брала диагностический планшет и спускалась на технические палубы, методично проверяя состояние обшивки, фильтры регенерации воды и стабильность термоядерного контура. Гамма-всплеск пульсара, унесший жизни ее экипажа год назад, оставил после себя десятки скрытых микроповреждений в изоляции и датчиках, и Кира предпочитала проверять узлы своими руками, не полагаясь исключительно на автоматику.

Кай почти всегда сопровождал ее. За этот год он заметно вытянулся, его светлые вьющиеся волосы стали чуть длиннее, обрамляя лицо с тонкими чертами и пронзительно-голубыми глазами. В нем по-прежнему жила удивительная собранность координатора миссии, но рядом с Кирой он словно снимал невидимую броню. А еще он с огромным удовольствием оттачивал новое для себя искусство иронии, которому научился у нее.

— Поздравляю, Кира Линд, — невозмутимо заявил он однажды утром, сидя на контейнере с запасными фильтрами и болтая ногами, пока она затягивала хомут на магистрали охлаждения. — Твоя скорость закручивания гаек выросла на четыре процента по сравнению с прошлым месяцем. Если так пойдет и дальше, к моменту прибытия на Элизиум-4 ты сможешь составить серьезную конкуренцию сервисному дроиду модели «Краб-3».

Кира вытерла лоб тыльной стороной ладони и прищурилась, глядя на мальчика.

— Осторожнее с комплиментами, командир, — спокойно ответила она, убирая ключ в сумку. — «Краб-3» не умеет печь яблочные оладьи из сублимированного пюре и не рассказывает перед сном сказки про космических пиратов. Так что в плане конкуренции у меня пока явное преимущество.

— Признаю поражение, — серьезно кивнул Кай, но в его голубых глазах заплясали веселые искорки. — Вчера после твоей сказки Тим полчаса пытался построить из подушек абордажный фрегат и отказался ложиться, пока «Аврора-два» не признала его капитаном северных морей. Пришлось корректировать ей протокол игры.

Кира рассмеялась, забирая сумку с инструментами. За этот год Кай стал для нее по-настоящему близким человеком. Несмотря на свой гениальный интеллект и легкий, свойственный лидерам эгоизм, он умел слушать, запоминал каждую мелочь и поразительно тонко чувствовал настроение. Днем, когда Кира садилась за терминал в научной лаборатории и составляла практические руководства по своей специальности — о проверке почв, запуске замкнутых экосистем и очистке воды на будущей планете, — Кай сидел рядом, задавал точные вопросы и помогал структурировать архив.

— Я проверил телеметрию второй группы биокапсул, Кира, — сказал он ближе к полудню, когда они перешли в лабораторию. — Все десять эмбрионов второй волны в идеальном криостазе. По графику я запущу их шестимесячный цикл вынашивания через три с половиной года, чтобы к моменту их рождения ты как раз вышла из сна.

Кира на секунду замерла над клавиатурой. Мысль о том, что через год ей придется оставить этот ставший родным зал, малышей и самого Кая и снова лечь в холодный саркофаг, с каждым месяцем давалась ей все тяжелее. Но она не подала виду, лишь спокойно кивнула:

— Значит, у меня есть еще целый год, чтобы дописать все инструкции и научить тебя отличать шутку от прямого приказа.

— С первым ты справляешься блестяще, а вот со вторым есть сложности, — парировал Кай с совершенно серьезным видом. — Вчера, когда я сказал, что без тебя на этом корабле станет слишком тихо, ты почему-то не восприняла это как прямой приказ остаться.

Кира посмотрела на него с теплой, чуть грустной улыбкой и ласково провела рукой по его светлым вихрам.

— Потому что у нас есть договор, командир. И планета, на которой вам понадобятся здоровые специалисты, а не уставшие ветераны полета.

Их разговор прервал резкий, пронзительный зуммер дальнего навигационного сканера, разнесшийся по всем палубам через систему внутренней связи. Это не была сирена аварии — скорее, сигнал тревожного предупреждения о неожиданном препятствии на курсе.

Кай мгновенно соскочил со стула. Мальчишеская мягкость исчезла с его лица за долю секунды, уступив место холодной, острой концентрации.

— На мостик, Кира! — бросил он и первым устремился к центральному лифту.

В рубке управления на главном голографическом экране пульсировала широкая багровая полоса прямо поперек расчетной траектории «Ковчега-9».

— Скопление ледяных и каменных микрометеоритов, — быстро проговорил Кай, забираясь в кресло первого пилота и подключая свой нейроинтерфейс к центральной консоли. — Шлейф от распавшейся кометы, не зафиксированный зондами с Земли. Плотность потока слишком высока для стандартных дефлекторных щитов. Если мы войдем в него на текущей скорости, обшивка жилого и детского комплексов получит десятки пробоин.

Кира склонилась над соседним терминалом, бегло оценивая массу потока, скорость сближения и остаток рабочего тела в баках. Именно для таких нештатных ситуаций Протекторат и посадил на корабль живой экипаж опытных специалистов.

— Автопилот предлагает экстренное торможение с полным реверсом двигателей, — Кира быстро пробежала глазами по расчетам. — Нельзя. Если мы сожжем столько топлива сейчас, нам придется жестко экономить энергию на обогрев отсеков и работу биоинкубаторов в последние годы полета. Нужно пройти сквозь шлейф по касательной, используя маневровые дюзы левого борта, и прикрыть детский отсек усиленным носовым щитом.

Кай посмотрел на ее выкладки, его голубые глаза стремительно сканировали колонки цифр.

— Угол входа предельно острый, Кира. На скорости сорок километров в секунду ошибка в полсекунды развернет корабль боком под удар. Нейросеть после гамма-всплеска дает задержку отклика в три десятых секунды.

— Значит, поведем вручную, — твердо сказала Кира, садясь в кресло второго пилота и перехватывая штурвал маневровых двигателей. — Ты берешь на себя радар, траекторию крупных обломков и перераспределение энергии щитов. Я держу курс и импульсы дюз. Как на старых орбитальных буксирах.

Кай посмотрел на нее — в его взгляде не было ни тени сомнения, только абсолютное, безоговорочное доверие. Он кивнул и положил маленькие ладони на сенсорную панель управления защитным полем.

— Принято, Кира Линд. Входим в облако через сорок секунд. Приготовься.

Первые удары прозвучали как тяжелый железный град по металлической крыше. Мелкая ледяная крошка с оглушительным скрежетом била в носовой бронещит, заставляя весь мно-

готонный корпус «Ковчега-9» мелко вибрировать. В рубке приглушили основной свет, чтобы лучше видеть голографическую сетку препятствий.

— Крупный фрагмент, диаметр около двух с половиной метров, азимут двенадцать, — голос Кая звучал ровно и четко, как метроном. — Коррекция вправо на три градуса.

— Есть! — Кира плавно нажала на гашетку маневровых двигателей. Корабль тяжело, но послушно качнулся в сторону. Огромная глыба льда и черного камня пронеслась в нескольких метрах от бронестекла, хищно сверкнув в лучах внешних прожекторов.

— Перебрасываю энергию с кормовых складов на левый борт, — скомандовал Кай, его пальцы молниеносно скользили по панели. — Внимание, плотный рой! Пять секунд до контакта!

Кира сжала штурвал так, что побелели костяшки пальцев. Корабль тряхнуло так сильно, что ремни безопасности больно врезались в плечи. Снаружи протяжно завыл металл, на панели вспыхнули два желтых индикатора повреждения внешней обшивки, но усиленный носовой щит выдержал основной удар, расколов крупнейший валун на безопасную пыль.

— Еще один рывок, влево на пять градусов и вниз! — крикнул Кай, перекрывая гул перегруженных реакторов. — Сейчас!

Она бросила корабль в резкое пике, одновременно гася инерцию кормовыми дюзами. Перегрузка вдавила их в кресла. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучала кровь. И вдруг — грохот прекратился.

На экране голограммы багровый шлейф остался далеко позади. Вокруг снова простиралась чистая, спокойная чернота космоса, усыпанная холодными алмазами далеких звезд.

Кира медленно выдохнула и откинулась на спинку кресла, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Она повернула голову к Каю. Мальчик сидел неподвижно, глядя на погасшие индикаторы тревоги, его грудь часто вздымалась.

— Целостность корпуса — девяносто восемь и шесть десятых процента, — тихо произнес он, сверяясь с консолью. — Расход топлива — в пределах нормы. Ни один ребенок в детском зале даже не проснулся.

Он повернулся к Кире, и в этот момент вся его холодная собранность окончательно растаяла. На его лице появилась широкая, счастливая, по-настоящему детская улыбка.

— Мы прошли без единой пробоины, Кира, — тихо сказал он. — Если ты так водишь звездолеты, пожалуй, я забираю назад свои слова про «Краба-3».

Кира рассмеялась, чувствуя, как отпускает напряжение, и протянула руку, чтобы сжать его ладонь. Его пальцы были теплыми, а взгляд голубых глаз — таким глубоким и пристальным, что на миг в рубке стало удивительно тихо.

Вечером они отправили на Землю плановый отчет о прохождении астероидного пояса, зная, что сигнал будет идти десять лет в одну сторону и десять в другую, когда все уже решится само собой. Глядя на зеленый индикатор передатчика, Кай негромко произнес:

— У нас впереди еще целый год вместе, Кира. Но нам стоит заранее начать профилактику твоей капсулы. Экран «Эгида» требует особой настройки перед тем, как ты ляжешь спать.

— Хорошо, Кай, — кивнула она. — Я полностью тебе доверяю.

В полумраке рубки Кай едва заметно улыбнулся. Она доверяла ему. И в его расчетливом, но уже по-настоящему влюбленном в эту женщину сердце крепла уверенность, что он найдет способ сохранить ее не просто для миссии, а для себя.

Глава 5. Голос сердца

Второй год их жизни на борту «Ковчега-9» летел так стремительно, словно сам звездолет решил нарушить законы относительности и разогнаться быстрее света.

Стерильный, гулкий мир космического транспорта, который еще недавно казался Кире Линд огромным железным склепом, теперь жил по законам шумного, непредсказуемого и удивительно теплого дома. Пятеро малышей из первой группы — Мира, Лео, Аня, Тим и Ева — отметили свой первый день рождения и за считаные месяцы превратились в неутомимую, любопытную ватагу, от которой не спасали ни магнитные замки на шкафчиках, ни бдительные оптические сенсоры шести антропоморфных «Аврор».

Они уже уверенно носились по мягкому термопокрытию детского зала, строили высокие шаткие башни из разноцветных магнитных блоков, без умолку лепетали, смешивая слова на свой лад, и требовали, чтобы Кира по десять раз подряд читала им одну и ту же иллюстрированную сказку с голографического планшета.

— Объект Тим предпринял четвертую попытку демонтировать нижнюю панель пищевого синтезатора при помощи пластиковой ложки, — ровным, невозмутимым голосом доложила «Аврора-три» одним солнечным утром (в это время в зале включали мягкий золотистый спектр, имитирующий земной полдень). — Вероятность успеха оценивается в ноль процентов, однако уровень шума превышает норму на двенадцать децибел.

Кира, сидевшая на краю ковра с маленькой Мирой на коленях, только покачала головой и усмехнулась.

— Это не демонтаж, Аврора. Это ранняя профориентация. Парень явно целится в бортинженеры.

— В таком случае рекомендую выдать ему тренировочный конструктор с крупными деталями, чтобы сохранить целостность обшивки синтезатора, — совершенно серьезно ответила машина и плавно, бесшумно скользнула к ящику с развивающими модулями.

Кай, стоявший у центральной консоли с планшетом в руках, проводил биоробота взглядом и фыркнул — точно так же, как делала сама Кира, когда сталкивалась с прямолинейностью бортового искусственного интеллекта.

— Знаешь, Кира, — сказал он, подходя к ней и присаживаясь рядом на ковер, скрестив ноги, — за последний год я переписал им тридцать процентов лингвистических алгоритмов, но они все равно воспринимают твои шутки как техническое задание. Боюсь, если ты однажды скажешь «Авроре-один», что у тебя голова раскалывается от их вопросов, она вызовет медицинского дроида для трепанации черепа.

Кира рассмеялась, запрокинув голову, и потрепала мальчика по светлым, слегка вьющимся волосам.

— Учту, командир. При машинах буду выражаться строго по уставу Протектората. А вот с тобой расслабляться уже опасно — ты перенимаешь мои вредные привычки быстрее, чем я успеваю их заметить.

— Это не вредные привычки, а адаптация к живой среде, — важно поправил ее Кай, но в его пронзительно-голубых глазах светилось неподдельное, мальчишеское озорство.

За этот второй год Кай заметно вытянулся и повзрослел. Ему шел седьмой год, и он все меньше походил на отстраненного гения из пробирки, каким Кира увидела его в первый день. В его походке, жестах и интонациях удивительным образом переплелись спокойная, гипнотическая сила прирожденного вождя и живая, почти осязаемая человечность, которой он впитывал от Киры каждый день. Он научился смеяться без повода, утешать упавшего Лео не сухой лекцией о силе притяжения, а теплым объятием, и даже устраивать по вечерам театр теней на стене кают-компании при помощи старого аварийного фонаря.

Но за этой открытостью в расчетливом, по-своему эгоистичном уме Кая крепло другое, глубокое и тихое чувство. Он смотрел на Киру — на ее добрые, чуть усталые глаза, на легкую улыбку в уголках губ, на то, как терпеливо и самоотверженно она заботится о чужих детях и при этом каждый день садится за терминал, чтобы дописать для будущей колонии свои научные руководства, ничего не требуя взамен. Кай привык мыслить категориями эффективности

и стратегии, но впервые в жизни он столкнулся с величиной, которую невозможно было заменить ни биороботами, ни генетическими программами. Он понял, что не хочет, чтобы Кира оставалась лишь наставницей из его детства. Он хотел, чтобы она была рядом, когда он станет взрослым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.